

А.Л. ЯКУБИН

ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЕ: ОБЩНОСТЬ, ПАРТИКУЛЯРНОСТЬ, АССАМБЛЯЖ

Введение

Прошлое и его интерпретации – важный компонент современной европейской политической индустрии. Политики повсеместно ссылаются на события прошлого, претендуют на монопольное владение «истины о нем», играют с коллективной и групповой памятью, создают специальные мемориальные законы, эмоционально ангажируя своих сторонников, и клеймят своих противников. Это имеет место, с переменным успехом, не только на уровне отдельных регионов, стран, но и целого европейского сообщества. Политики активируют память как «оружие против своих внутренних противников и в международных делах» [Verovsec, 2008, p. 1].

Ключевой тезис, обсуждаемый в статье, – основные тенденции политики памяти в ЕС, их цели, достижения и противоречия на нынешнем этапе развития общего европейского проекта.

Евродепутаты регулярно обсуждают не только цифры безработицы в зоне евро или режимы свободной торговли с США, но и вопросы о сходстве сталинизма и нацизма (консерваторы – за, левые – колеблются), общего европейского прошлого, связанного с фигурой Карла Великого (он и не немец, и не француз, он «отец-основатель»), общего европейского учебника истории (где, в таком случае, быть границе между «Европой» и «не-Европой»; имеет ли Европа вообще общую историю и что это за история, если она есть?).

Прошлое, память о нем, его реинтерпретации стали новым объектом политики, постоянной темой в дебатах и спорах по всей Европе. Исчезновение таможенных границ между странами, падение Берлинской стены и «железного занавеса» только обострили «невидимые» барьеры памяти между Востоком и Западом, открыли старые раны и травмы. Биполярные модели понимания эпохи «холодной войны» с четким разделением на друзей / врагов, верную / неверную трактовку прошлого в свете глобального политического противостояния безвозвратно канули в Лету. Политическая память и политика памяти в Европе «разморозились» [Judt, 1992], открыв путь новым репрезентациям прошлого и новым вызовам в этой сфере.

Политика памяти против Истории

Прежде чем охарактеризовать основные аспекты европейской политики памяти, представляется важным кратко описать само понятие «политика памяти».

Наиболее конвенциональная трактовка этого термина следующая: политика памяти – это целенаправленные политические публичные действия, с помощью которых события прошлого запоминаются, репрезентируются или забываются. Политика памяти – это инструментальный процесс политической / идеологической селекции / регуляции с помощью принятых общественных норм и практик, как событий прошлого, так и их интерпретаций для коллективной памяти.

Эта политика имеет место вследствие убеждения, что изображение прошлого, инспирированное через официальные (например, школу) или неофициальные (семья) каналы, имеет потенциал коллективной мобилизации, необходимый для политического влияния [Європа та її болісні минувшини, 2009, с. 17].

Этот термин помогает нам понять разницу между тем, что произошло на самом деле (об этом мы никогда не будем знать наверняка), и тем, как формируется память об этом событии при участии многих заинтересованных лиц.

Мы увидим, что хотя фабула политик памяти в разных частях ЕС отличается, но в них всегда присутствует очень важный компонент – схемы формального примирения между различными сторонами прошлых конфликтов. Это примирение достигается с

помощью стратегий историзирования конфликтогенного наследия [Європа та її болісні минувшини, 2009, с. 17]. Да, они не всегда действенны, часто половинчаты – но это главные интенции политики памяти в Европе. Это отличительная черта политики памяти от внешне похожих на нее практик, связанных с прошлым.

«Историю всегда пишут победители, потому ее можно переписывать сколько угодно раз, но в более гуманистическом и либеральном ключе», – это в некотором роде неофициальный девиз европейской политики памяти.

Важно понимать этот нарративный и коммуникативный характер политики памяти, ее конструктивный и повествовательный характер. Она – это не то, каким было прошлое, а всегда его драматургическая интерпретация [Уайт, 2002], напоминающая художественный роман, такая история – это story-telling с общими «местами памяти» [Нора, 1999], пантеоном «великих людей», идеальных стандартов, индустрией развлечения. Политика памяти – это выбор прошлого, забывания / актуализации сюжетов, даже «игры с прошлым» (Жорж Минк).

Жорж Минк считает, что вследствие этого методами традиционной исторической науки политику памяти сложно понять и описать, тут нужны подходы иных социальных наук, и в первую очередь – политической науки [Мінк, 2009, с. 65].

Российский историк Алексей Миллер указывает на важное отличие понятия «политика памяти» от таких понятий, как «политизация истории» (связанной с профессиональными и личностными факторами ремесла историка в современном для него обществе) и «историческая политика» (о ней чуть ниже), так как: «Политика памяти может быть более или менее открытой для влияния и диалога различных общественных сил и историков, более или менее продуктивной в деле врачевания ран прошлого, преодоления внутринациональных и межнациональных конфликтов. Но она может также порождать новые конфликты, создавать сознательно искаженные образы прошлого» [Миллер, 2009, с. 8].

Таким образом, коллективная память формируется под влиянием политических и культурных сил общества. Правительственная политика и социальные нормы, а вместе с ними – массмедиа, развлекательная индустрия, даже нормы политической корректности – все это влияет на то, как события запоминаются и воспринимаются общественностью.

Это дает возможность некоторым европейским исследователям указывать на дискурсивную противоположность понятий «история» и «политика памяти». По мнению польской исследовательницы Евы Доманской [Науковець перед з'явою пам'яті, 2009, с. 10], эта оппозиция проистекала из «бунтующих» 60-х годов прошлого века, из попытки критически посмотреть на традиционную историческую дисциплину как завуалированную идеологию национальных государств, отображение дискурса власти, а память (антиисторию) – как «революционный дискурс» для эмансипации угнетенных групп и меньшинств. Политика памяти, таким образом, приобретала транснациональный, либеральный и оппозиционный характер, она освобождала прошлое от идеологических оков патриархата и национализма ради социальных, религиозных, этнических и сексуальных меньшинств. И часто, став дискурсом власти, политика памяти уже сама диалектично превращалась в «историю», но с широкой внешней либеральной и мультикультурной подоплекой [Науковець перед з'явою пам'яті, 2009, с. 11].

Акцент на транснациональных интенциях этой политики дает нам возможность использовать смыслы этого понятия для описания современных практик Европейского союза на почве прошлого; о них детальнее будет сказано чуть ниже.

Тем не менее в предложенном различии «политики памяти» и «истории» скрыт еще один важный аспект, позволяющий провести ее сепарацию от исторической политики, на чем стоит остановиться чуть подробнее.

По мнению А. Миллера, историческая политика – «интерпретации истории, избранной по политическим, т.е. партийным, мотивам, и попытки убедить общественность в правильности такой интерпретации» [Миллер, 2009, с. 9]. Этот термин – «Geschichtspolitik» – появился в ФРГ в 1980-х годах во времена канцлера Гельмута Коля и был связан со скандальной попыткой отказаться в публичном дискурсе от образа Германии как единственной страны, которая несет ответственность за преступления Третьего рейха, в целях более патриотического воспитания немецкой молодежи. В начале XXI в. это понятие было заимствовано рядом стран Восточной и Центральной Европы для описания процесса создания частью профессиональных историков и политиков удобного и выгодного конкретным партиям идеального нарратива о прошлом. Например, в Польше этот нарратив включал в себя обязательные

антисоветские (латентно – антироссийские) и антинемецкие элементы и игнорировал («не видел») участие обычных поляков (не солдат) во время Второй мировой войны в уничтожении местного еврейского населения во многих провинциальных местечках («Дискуссия о Едвабне») [Гросс, 2002]. Автор статьи имел возможность еще раз убедиться, насколько сложной остается проблема принятия этого понятия и для актуального этапа общей политики памяти Польши, присутствуя на открытом разговоре с инициатором «Дискуссия о Едвабне» в Польше профессором Яном Гроссом летом 2013 г. в Центре городской истории Центрально-Восточной Европы во Львове [Гросс, 2013].

Как видим, историческая политика, в отличие от политики памяти, имеет ярко выраженный доктринерский характер правоконсервативного толка, это, в первую очередь, взгляд правящей политической партии на прошлое, посему для нее характерен повышенный конфликтогенный потенциал как внутри страны между различными социальными и национальными группами со своими нарративами о прошлом, так и за пределами страны. Для исторической политики нет дискуссии, и так понятно – кто «виноват», а кто «невиновен», главное теперь – донести эту мысль до широких масс и сделать ее своей «визитной карточкой» в политической борьбе [Миллер, 2009, с. 13].

Именно в русле польской исторической политики 2000-х годов можно рассматривать заявления братьев Качиньских о «долге» Западной Европы перед Польшей за ее согласие с Ялтинскими соглашениями, претензиях к современной Германии за убийство «миллионов поляков», нервную реакцию властных кругов на разговор о добровольном участии поляков в уничтожении еврейского населения во время Холокоста или ситуацию вокруг Катыни с ярко выраженным антироссийским подтекстом.

Европа – это память

Перманентное формирование идентичности проекта объединенной Европы требует не только «общих целей на будущее, но и ориентиров в прошлом» [Assmann, 2007, p. 12].

Политика памяти, несмотря на ее название, определяет не просто кто мы есть, но и то, какими мы должны быть. Чтобы осуществлять связь (а политика памяти – это также и связь), необходимо выбрать общий язык, символическую систему, при которой

будет действовать обмен информацией, или, если говорить о коммуникации, обмен продуктами взаимодействия.

С конца 1980-х неолиберальный поворот в социальной и экономической политике ряда европейских стран привел к «кризису будущего» [Копосов, 2011], усиленного девальвацией модернистских проектов «американской мечты» и «советской утопии». Коллективная память и ценности настоящего стали играть терапевтическую роль перед «ужасами неизбежного будущего» – экологическими, социальными и экономическими проблемами. Прошрое, а точнее, сконструированные идеализированные рассказы о нем, в свете нормативных ценностей, начали выполнять роль заменителя ориентиров общественного развития.

Европейский союз стал во многом «сообществом памяти» («community of memory»), как метко подметила немецкая исследовательница Алеида Ассманн (Aleida Assmann) [Assmann, 2007, p. 11].

Эти новые направления европейских политик памяти с точки зрения их стратегий репрезентации, по моему мнению, можно описать с помощью следующих основных понятий, вынесенных в заглавие статьи: общность, партикулярность, ассамбляж. Если «общность» и «партикулярность» в целом являются интуитивно понятными – сходство, единство и частность, отличие, – то «ассамбляж» требует некоторого уточнения.

Ассамбляж (фр. *assemblage* – соединение, сборка, монтаж) – это понятие, которое изначально получило свою прописку в авангардном искусстве, а чуть позже – в теории деконструкции [Assemblage_(art)]. Там оно обозначало механическое соединение в единое целое деталей, не имеющих между собой никаких других вещественных связей (в стиле русских авангардистов – Александра Родченко и Владимира Татлина), или произведения искусства, выполненные из обломков естественных материалов, предметов или их фрагментов (по версии Жана Дюбюффе). При репрезентации прошлого эта идея приобретает новые обертоны – она указывает на его фрагментарность и вместе с тем механическое единство, фрагментарные истории о прошлом превращаются в стойкий ассамбляж. Михаил Ямпольский пишет: «Смысл возникает от того, что эти фрагменты можно как угодно ставить, переставлять между собой и соединять» [Ямпольский, 2013].

Возникает новый тип конструирования прошлого, новый тип общей европейской политики памяти. Отдельные сюжеты (память отдельных социальных групп, регионов, стран) в ней могут жить своей жизнью, просто будучи вписанными в общую повествовательную рамку «Европейский союз». Между этими автономными сюжетами и возникают новые полилоги, создавая новую смысловую картину прошлого.

Такая характеристика европейских политик памяти отнюдь не стала следствием запланированного архитектурного решения, скорее, она результат отсутствия единого центра формирования политики памяти в ЕС на данный момент времени.

Политика памяти ЕС напоминает, скорее, коллективный холст, куда свою лепту вносят политические акторы различного уровня и влияния, – политики, «евробюрократы», «евродепутаты», исследователи, лидеры общественного мнения, массмедиа, отдельные специализированные институты (например, Институт национальной памяти в Польше или музеи оккупации), группы граждан, «жертвы». Это «многоголосие», которое не всегда звучит стройным хором.

И все же такой ассамбляж может существовать только в определенных рамках, «силовых линиях» существующей структуры, т.е. в некоторых общих основаниях, так же как художественный объект, выполненный в этой технике, не может выйти за пределы своих физических и материальных характеристик.

Этими рамками являются общие символы, ценности и нарративные сюжеты объединенной Европы.

Политолог Бассам Тибби (Bassam Tibi), немецкий гражданин и мусульманин сирийского происхождения, предложил даже специальный термин «Европейская главенствующая культура» («European guiding culture / Europäische Leitkultur») для идентификации нормативного базиса такой объединенной Европы. Тибби определил консенсусный стандарт «европейской идентичности Германии» следующим образом: «Приоритет разума над религиозными истинами; приоритет индивидуальных прав человека над коллективными правами; светская демократия, основанная на разделении церкви и политики; общепризнанный плюрализм, а также общая эффективная толерантность» [цит. по: Assmann, 2007, p. 12].

Его идеи во многом резонируют с перечнем официальных ценностей Европейского союза, сформулированных в ст. 2 Дого-

вора о Евросоюзе (Маастрихт, 1992): «Ценностями, на которых основан Союз, являются уважение человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и уважения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для совокупности государств-членов, которая характеризуется плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством между женщинами и мужчинами» [Fundamental values ... 1992].

Тем не менее вопросы остаются. Наиболее явно это видно на примере оппозиций «светского» и «религиозного» в общей европейской памяти. Независимо от фактической степени дехристианизации в Европе, многие опросы общественного мнения показывают, что люди видят в Европе единую историческую общность памяти и судеб, которая выступала против ислама и против Турции (Османской империи). Это типичный пример практик западного (европейского) ориентализма, стереотипно-негативного отношения к Востоку, который остается все еще влиятельным в Европе [Саид, 2006]. И это несмотря на то, что кемализм был и остается ярким примером успешного процесса вестернизации, и светская Турецкая Республика лучшее доказательство того, что, по существу, даже очень исламизированная страна может стать светской. «Если Европа говорит о своей светскости серьезно, религиозная принадлежность не будет представлять неприступного препятствия для интеграции и для иммиграционных сообществ, и с точки зрения отношений Европы с другими странами» [Leggewie, 2010].

По мнению Ж. Минка, это нормативное умонастроение отражает идею о конце европейской истории как истории преступлений и необходимости заменить ее универсальным правом. Прошлое с его «онтологическим компасом – гитлероцентризмом» слишком криминогенно, там слишком много жертв, и это небезопасно. Такое прошлое больше не является «приемлемым». Потому новая Европа имеет только настоящее и будущее [Європа та її болісні минувшини, 2009, с. 14]. Именно их и должна воплощать идеальная европейская политика памяти.

Эти идеи несут в себе ряд опасностей – криминализация отдельных точек зрения на прошлое может означать ограничение на свободу мысли и исследования. «История не должна становиться служанкой политической конъюнктуры... В демократическом обществе свобода историка – это наша общая свобода» – к этому

призвали в открытом «Воззвании из Блуа» [Воззвание из Блуа, 2009, с. 107] известный французский историк Пьер Нора вместе со своими коллегами по цеху.

К слову, во Франции действует четыре мемориальных закона, из них только за отрицание положений первого предполагается уголовное наказание: 1) «закон Гайсо» (1990), об уголовной наказуемости отрицания преступлений Холокоста; 2) закон 2001 г., признающий геноцидом истребление армян в Турции в 1915 г.; 3) «закон Тобира» (2001), объявляющий работорговлю «преступлением против человечности»; 4) закон 2005 г. о «французском присутствии» в бывших колониях [Стора, 2009, с. 104].

Сейчас во Франции действует мораторий на принятие новых законов в сфере регулирования прошлого. Но в других континентальных европейских странах и в центральных органах ЕС идеи мемориальных законов, увековечивающих отдельные трактовки прошлого, витают в воздухе.

«Европейский ответ» на декады войн и разделений

В то же время ряд европейских политиков, ученых, общественных деятелей, дизайнеров продолжают искать единые «исторические корни» Европы в глубине веков. Визуальным воплощением такого решения должен стать музей Европы – видение ее общей транснациональной истории. Об этом активно заговорили в 2007 г. в свете 50-летия Европейского сообщества.

«Мы имеем много национальных музеев – в Лондоне, Берлине и других местах, где показывается национальная история. Но ни один из них не показывает историю, которая объединит всех европейцев», – утверждает экс-президент Европарламента, немецкий консерватор Ханс Герт Пёттеринг [Doidge, 2013].

Были разработаны два проекта этого музея: один в Брюсселе и один в Аахене. В Брюсселе создали концепцию единой неразрывной европейской истории, которая берет свое начало от греков, римлян и кельтов. В дополнение к древности, она охватывает эпохи Христианства, Просвещения и процессы Европейской интеграции. Инициатива проекта в Аахене организована вокруг ключевых дат европейской истории. Она, по версии ее создателей, начинается с 800 г., а Карл Великий в ней – это «отец-основатель Европы».

В том же 2007 г. победу одержала музейная инициатива в Брюсселе. Ее финансирование утверждено Европейским парламентом, что вызвало очень неоднозначную реакцию во многих европейских странах, учитывая ее стоимость (52 млн евро) для бюджета ЕС, в самый разгар экономического кризиса [Doidge, 2013].

Музей получил название «Дом Европейской истории» («House of European History»), его открытие запланировано на 2014 г. [The House of European History ... 2013].

В 2008 г. в первоначальную концепцию музея был внесен ряд изменений [Conceptual Basis... 2008].

Подход Дома Европейской истории официально провозглашает общую идею «уважения к истории и к будущему Европы, которые должны дополнять друг друга через дискретные, но существенные особенности» [The House of European history... 2012, p. 18].

В концепции политики памяти, лежащей в основе экспозиции музея, решения которой, по всей видимости, станут эталонными для ЕС, соединились идеи об «общих корнях» и необходимости нормативного измерения Европы; акцент сделан на истории, как истории общего наследия, а не вековых политических разделений и разногласий.

Что интересно: концепция европейской истории, на которой будет строиться экспозиция музея, выходит далеко за пределы существующих границ ЕС и ориентирована, скорее, на будущее, на географические (цивилизационные?) границы всего континента Европы; она включает в себя сюжеты, связанные со странами, которые не входят на теперешний момент в ЕС, – например Россию и Турцию [Conceptual basis, 2008]. Таким образом, получается, что Дом Европейской истории – это не столько музей истории ЕС, сколько попытка говорить от имени Европы и представлять всю Европу как континент-цивилизацию; музей, делающий проекцию на будущее, «где будет жить европейская идея», со всеми издержками, вытекающими из такой политики памяти.

К работе над проектом подключились многие известные европейские политики (например, уже упомянутый экс-президент Европарламента Ханс Герт Пёттеринг, один из ярких инициаторов проекта) и ученые, в том числе британский историк Норман Дэвис, известный своим полонофильством и авторством известного труда «Европе» (1996) [Дэвис, 2005], – одной из первых концептуальных попыток показать общее описание истории Европы, в котором ис-

торик постарался уделить равное внимание всем частям континента Европы (не только частям ЕС), в том числе славянским странам – Польше, Украине и России.

Планируется, что постоянная выставка в Доме Европейской истории разместится на площади 4000 кв. м и сфокусируется преимущественно на истории Европы XX в.: от Первой мировой войны до наших дней.

Постоянная экспозиция будет носить транснациональный и мультикультурный характер: она не будет изображать отдельные истории государств Европы и ее регионов, а вместо этого сосредоточится на общих европейских явлениях (например, на миграции и колонизации, городах, греко-римском наследии, христианстве, институте церкви (католической, православной и протестантской), латинском и греческом языках, латинице и кириллице, университетах, Вестфальской системе, Ренессансе, Просвещении, парламентских системах, торговле, научном прогрессе, индустриальной революции, профсоюзах, идее «вечного мира», Нобелевской премии, «Красном Кресте», Лиги Наций и т.д.) [Conceptual basis... 2008].

В этом, во многом ассамбляжном соединении особое внимание будет уделено эпохе мира, которым Европа пользуется с конца Второй мировой войны, и культурному разнообразию Европы, как ее определяющей черты. «Экспозиция должна одинаково иллюстрировать как разнообразие истории Европы, так и общность ее корней» [Conceptual basis... 2008, p. 5].

На основе представленного «пережитого» исторического опыта и его последствий должно быть показано, почему институты ЕС были созданы во второй половине XX в.

Кроме того, небольшие обзоры «исторических корней» континента античных, средневековых и современных периодов будут необходимы для того, чтобы дать посетителям лучшее понимание настоящего и будущего Европы. Связь с современностью будет иметь фундаментальное значение для нового музея – актуальный характер экспонатов будет подчеркнут их прямым отношением к повседневной жизни посетителей и существующему политическому, социальному, экономическому и культурному развитию Европы.

«Преодоление национализмов, диктатур и войн, в сочетании с готовностью жить вместе в Европе после 1950 г., в условиях мира и свободы, наднационального и гражданского союза – это должны быть ключевые послания Дома европейской истории. Экспозиции

должны дать понять, что в мире прогресса объединенная Европа может жить вместе мирно и свободно на основе общих ценностей» [Conceptual basis ... 2008, p. 5].

«Концентрические круги» европейской памяти

Немецкий политолог Клаус Леггевие (Claus Leggewie), анализируя среди прочего проект Дома европейской истории, выдвинул идею о семи концентрических кругах политики памяти ЕС на основе ключевых календарных дат и «мест памяти» [Leggewie, 2010]. Эти концентрические круги еще раз показывают, насколько ассамбляжный характер носит современная политика памяти в ЕС, где часто на одном концептуальном пространстве технически соседствуют и даже входят в противоречие идеи общего и партикулярного, но под «общим зонтиком» ЕС, что создает смысловую видимость их целостности.

Круг первый. Холокост – «негативный миф» основания Европы, то, что в Европе не должно повториться. Прототипом для этого стала Германия с ее послевоенной политикой «преодоления прошлого» («Vergangenheitsbewältigung») Третьего рейха.

Запрет на его отрицание является обязательным для всех стран ЕС и есть одна из осей европейской политики памяти [Leggewie, 2010].

27 января 1945 г. – дата освобождения Освенцима – день памяти жертв Холокоста во многих европейских странах.

Здесь также не все гладко, память о Холокосте – это космополитическая память, а не локализованная память, имеющая отношение только к Европе. Эту память разделяют и используют не только ЕС и Европа, но и многие страны за их пределами (например, Израиль и США), даже такие универсальные организации, как ООН, где в 2005 г. впервые в истории отдельная сессия была посвящена памяти Холокоста [Assmann, 2007, p. 13].

Сейчас Холокост – это не гомогенная универсальная распространенная память, а своеобразная парадигма для понимания и представления других геноцидов и исторических травм, он – язык артикуляции травматических опытов по всему миру [Levy, Sznajder, 2002].

Второй круг. Советский коммунизм в той же степени, что и нацизм, преступен?

Ряд восточноевропейских стран – Болгария, Чехия, Венгрия, Латвия, Литва и Румыния – требуют также, чтобы в ЕС был принят закон об уравнивании коммунизма и нацизма; оба эти режима были признаны преступными, и было запрещено на законодательном уровне под страхом криминального преследования отрицать их преступления, использовать символику.

Эта инициатива не получила большой общеевропейской поддержки (особенно среди представителей левых фракций и общественности), но символической уступкой ей стало принятие Европейским парламентом 2 апреля 2009 г. решения провозгласить 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма. 23 августа – день подписания договора о ненападении между Германией и Советским Союзом в 1939 г., «который разделил Европу на сферы влияния» [Declaration of the European Parliament... 2008].

В этом вопросе тем не менее проявился весь комплекс разногласий между «старой» и «новой» Европой, это своеобразная «геополитика памяти» внутри ЕС, попытка Востока «предъявить счет» Западу и России. Это разделяющая и конфликтная память.

Третий круг. Принудительная депортация – как общеевропейская травма?

В коллективном сознании Европы осталась очень травматическая память о крупномасштабных вынужденных «перемещениях населения», этнических чистках, массовых высылках и геноцидах, где Холокост – особенно экстремальный и систематический случай.

Отдельной вехой является проблема судетских немцев, высланных из Чехословакии на основании так называемых «декретов Бенеша», немецкого населения Силезии и Бреслау / Вроцлава (Силезия – теперь часть Польши). Речь идет о миллионах немцев, оставленных без собственного крова в этих странах после 1944–1946 гг. Наследие этих этнических чисток и актов геноцида до сих пор мешает формированию общеевропейской памяти.

Правительство Чехии очень нервно воспринимает эту тему, будучи готовым идти даже на прямой конфликт с органами ЕС в вопросе о необходимости общей для всех стран ЕС Европейской хартии о правах человека, опасаясь 3 млн имущественных исков судетских немцев к чешскому государству вследствие ее принятия [Куранов, 2009].

На Западе и на Востоке Европы этот вопрос возрождает устаревшие схемы политического противостояния времен «холодной

войны». Старые конфликты препятствуют унификации «новой Европы» и служат отвлечением от новых конфликтов – по поводу безопасности, энергетики, трансграничной мобильности [Leggewie, 2010].

«Камнем преткновения» внутри ЕС остается вопрос о том, какие акты изгнания и этнических чисток должны быть классифицированы как «геноцид», а какие нет.

Четвертый круг. Война и память о войне, как двигатель Европы?

Четвертый круг европейской памяти окружает опыт диктатуры и геноцида и восходит к военному времени и экономическим кризисам. Память о Первой мировой войне связана с Верденом, играет чрезвычайно важную роль, прежде всего в Англии, Франции и Бельгии. Очень жива память о гиперинфляции, крахе банков и Великой депрессии в Германии и Австрии, даже среди молодого поколения. Память о Второй мировой войне является очень сильной во всех этих странах, а также очень важной в восточноевропейских обществах.

В конце концов, Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) было первоначально основано не на памяти о Холокосте или на системной конкуренции с коммунизмом, а на травматическом опыте двух «общих войн» и дамокловом мече массовой безработицы [Leggewie, 2010].

Большинство европейцев, скорее, связывают Сараево с убийством, которое стало формальной причиной Первой мировой войны, чем с резней во время Балканских войн менее 20 лет назад.

И не случайно, что историческое рукопожатие между президентом Франции Франсуа Миттераном и канцлером Германии Гельмутом Колем, эта «икона германо-французского примирения», состоялось на военном захоронении Вердена.

Важнейшее место занимает также общая для всех стран ЕС память «холодной войны» и блокового противостояния, прежде всего, угрозы ядерного самоуничтожения человечества. В Германии эта тема представлена памятью о разделении между Востоком и Западом, разделенном Берлине и датой 1989 г. – «годом чудес» [Шеррер, 2009].

Опыт послевоенных событий, таких как инфляция и депрессии, вызвавших социальную незащищенность, обнищание и массовую безработицу среди европейцев, был вновь актуализирован финансовым кризисом 2008 г. Как и в двух мировых войнах, это

был общеевропейский опыт, ставший основой послевоенного европейского примирения, интеграции и создания европейского государства всеобщего благоденствия, его национальной модели в каждой стране.

Пятый круг. «Черная книга колониализма».

Это широкое поле охватывает исторический период от рабства к неокOLONIALной экономической политике современности. Державы, входящие в ЕС, – Великобритания, Франция, Испания, Германия, Бельгия, Италия – были собственницами многих земель в Африке, Америке, Азии, Австралии и Океании. Их господство на тех территориях было связано с эксплуатацией, работорговлей и даже уничтожением десятков миллионов жителей стран современного Глобального Юга (например, в бельгийской колонии Конго в конце XIX в., британской Южной Африке, не говоря уже о войне за независимость Алжира от Франции в 60-х годах XX в.). Последствия их разрушительного и расистского господства ощущаются и поныне. Верховенство закона, демократизация и правосудие, как европейские нормативные ценности, к этим вопросам применяются достаточно редко [Leggewie, 2010].

С точки зрения условий, необходимых для символического, а также фактического «очищения», Европа мало что сделала в этом вопросе по сравнению с ее реакцией на последствия войн и геноцидов на самом европейском континенте: начиная с реституции культурных ценностей, которые сегодня украшают музеи западных метрополий, и заканчивая репарационными платежами для потомков коренных жителей колонизированных регионов, которые пострадали в результате рабства и бесчисленных массовых убийств, совершенных в ходе имперских войн. В самих ЕС метафоры «темный континент» и «бремя белый человек» вернулись в обращение, особенно в связи с иммигрантами из Африки южнее Сахары. Во Франции до сих пор военные события в Алжире 60-х годов в учебниках истории именуется «восстановлением гражданского порядка», а не «колониальной войной» или «борьбой за национальное освобождение» [Стора, 2009].

Шестой круг. Европа, как континент иммиграции?

Колониальная история Европы прямо или косвенно приводит к шестому кругу общей европейской памяти: транснациональной миграции в Европу в XIX и XX вв., и прежде всего с 1950 г. Это нарратив о предоставлении убежища и спасении от бедности.

С тех пор, однако, иммиграция значительно диверсифицировалась, сегодня каждый четвертый житель западноевропейских обществ имеет «миграционное прошлое» (в мегаполисах от 40 до 50% таких жителей) [Leggewie, 2010].

Музеи Европы, посвященные миграции по всей Западной Европе, все еще находятся в зачаточной стадии. Это напрямую не влияет на мигрантов и их родителей, однако второе и третье поколения ставят вопрос о том, как они должны подходить к этим историям и как в свете этого они должны наблюдать и оценивать «свою» историю, от которой они уже стали отчужденными.

Европейские места памяти, начиная с римского наследия и святынь Средневековья, больше не могут быть надлежащим образом поняты, не принимая во внимание, как сделать их «своими» и «понятными» для мигрантов, – как их связать с их идентичностью, перспективами и натурализацией.

Сегодня Европа имеет ярко выраженный «миграционный фон», который едва отражен в общественной сфере и в политике по иммиграции и интеграции. Иммиграция тем не менее воспринимается в большинстве стран как наследие конфликта. Ни для принимающих обществ, ни для иммигрантских общин миграция не является коллективной травмой, скорее, она представляет собой замечательную историю успеха – со значительными теневыми сторонами. Положительной стороной выступают экономическое процветание и социальное продвижение, а также транскультурные инновации. Но минусом становятся аспекты социальной сегрегации и этнорелигиозной дискриминации.

В этом отношении Европа и ее политика памяти явно на перепутье. Во многих странах открытый отказ от соблюдения прав этнических меньшинств становится более или менее серьезным общественным конфликтом, инструментализированной политикой, для того чтобы получить или сохранить власть. Как для крайне правых и неонацистских партий, так и для популистских партий и массовых парламентских партий (особенно в Австрии, Венгрии, Франции, даже в Швеции).

Круг седьмой. «История успеха» в Европе после 1945 г.

Этот круг связан с беспрецедентной «зоной мира и процветания» в Европе после 1945 и 1989 гг., созданием работающих институтов ЕС, функционированием действенных механизмов примирения. Акцент на этих достижениях, устремление к будущему –

призвание общей политики памяти ЕС и Дома Европейской истории как ее олицетворения [Leggewie, 2010]. Но это формальное, ассамбляжное единство еще не означает фактического. Память в Европе продолжает оставаться разделенной. «Расколы» национального и социального мира Европы – это нечто «общее» для всего ЕС. И хотя есть уже общие (компромиссные) школьные учебники истории между Францией и Германией (с 2006 г.) и Германией и Польшей (с 2011 г.) [Савицкий, 2011], но общего школьного учебника по истории 28 стран ЕС все еще нет, несмотря на все предпринятые попытки, и будущее его туманно.

Программа университетского курса о европейских политиках памяти, который автор этих строк читал в весеннем семестре 2013 г. на факультете политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, также свидетельствует о всей сложности такой генерализации для академической (политической) науки [Якубин, 2013].

«Коллективная память в Европе так же разнообразна, как и ее народы и их культуры, и не может регулироваться официальными актами государственных или памятных ритуалов» [Leggewie, 2010], – резюмирует Клаус Леггеве. Наиболее серьезные проблемы для европейской памяти, по его мнению, – это вопрос о примирении «конкурирующих» воспоминаний о травматических событиях – Холокосте и в меньшей мере ГУЛАГе, различные воспоминания военного времени и изгнания, колониализма и иммиграции и не в последнюю очередь – институциональные достижения развития Европейского союза.

«Амнистии – да, амнезии – нет» – эти известные слова польского диссидента Адама Михника указывают на важность помнить травмирующее прошлое. Тем не менее стратегии забывания, а не воспоминания нашли больше сторонников в постколониальной Франции, в постфранкистской Испании и в постсоциалистической Польше, но ведут ли они ЕС к реальному примирению? Какими могли бы быть новые подходы к политике памяти ЕС, ее идеальные принципы; как от травм прошлого перейти к его принятию?

Алейда Ассманн предлагает следующие шаги для этого [Assmann, 2007, p. 19–22]: 1) отделение памяти от ее интерпретации и аргументов, которые строятся на такой основе; 2) нет больше компенсаций вины, так как именно они ведут к усилению «битв памяти»; 3) нет больше «соревнований» в количестве жертв; 4) от исключения к включению воспоминаний, не ставить перед

собой цель унификации и жесткой селекции памяти и коллективной идентичности; 5) от разделенной памяти к общей, но не унифицированной; 6) контекстуализация, помещение событий и памяти в широкий контекст, что возможно только через ретроспекцию и когнитивные достижения исторического сознания; 7) обрамление, помещение прошлой конфликтной памяти в рамки нового общего горизонта ценностей, результат – создание новой идентичности.

Пока это, правда, просто предложения, а не реальность европейской политики памяти.

Выводы

Европейская политика памяти, как мы увидели, строится на ассамбляжном соединении и политкорректной гармонизации двух противоположных идей: 1) универсализации и, следовательно, – неизбежной стандартизации рассказов о прошлом или на сведении всего к общему нормативно-правовому знаменателю; 2) неотъемлемого права на индивидуальность и непохожесть нарративов между отдельными странами, регионами, этническими, социальными группами, меньшинствами (часто это превращается в набор стереотипов). В европейском контексте общая политика памяти – это не просто геополитическая история примирения между народами («дипломатия извинений»), преодоление «преступлений против человечности», но и мобилизация участников прошлых конфликтов, их жертв и их наследников.

Современная политика памяти ЕС устремлена в идеальное будущее – светское / либеральное / демократическое / гражданственное и в то же время многообразное; именно оно задаст тон видению и настоящего, и прошлого Европы.

«Будущее Европейского союза открыто. Нет никаких ясных целей и четких договоренностей, где должны быть его границы» [Conceptual basis... 2008, p. 25].

В Доме Европейской истории это отображено в тех пропорциях, которые тут отведены будущему, в перечне тех возможных вопросов, на которые посетители должны дать ответ (сами по себе эти вопросы свидетельствуют об основных проблемах европейской политики и, соответственно, «общей памяти») [Conceptual basis ... 2008, p. 25]. Возможно ли дальнейшее углубление интеграции ЕС? Как мы должны реагировать на провал референдума

по конституции ЕС? Когда расширение ЕС будет окончательным? Может ли Турция быть членом ЕС? Почему ЕС не в состоянии пробудить настоящий энтузиазм среди широкой общественности в государствах-членах? Как может ЕС преодолеть свою структурную слабость в военных вопросах и во внешней политике в целом? Как ЕС реагировать на демографические изменения, затрагивающие все ее государства-члены? Является ли иммиграция достойным на нее ответом? Могут ли различные по форме традиции европейской социальной модели быть согласованы? Как ЕС будет выглядеть в будущем? Превратится ли он в федерацию или ассоциацию государств?

Литература

- Воззвание из Блуа // Pro et Contra. – М., 2009. – № 3–4 (46), май–август. – С. 107.
- Гросс Я.Т. Соседи. История уничтожения еврейского местечка. – М.: Текст, 2002. – 160 с.
- Гросс Я.Т. Що ми хочемо і не хочемо знати про війну? – Львів, 2013. – 25 липня. – Режим доступа: <http://www.lvivcenter.org/uk/chronicle/news/?newsid=1111> (Дата посещения: 10.02.2014.)
- Дэвис Н. История Европы / Пер. с англ. Т.Б. Менской. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 943 с.
- Європа та її болісні минувшини / Авт.-упоряд.: Жорж Мінк, Лора Неймайер у співпр. з Паскалем Боннаром; Пер. з фр. Є. Марічева. – Київ: Ніка-Центр, 2009. – 270 с.
- Копосов Н. Политика памяти и мемориальные законы // Русский журнал. – М., 2011. – 24 августа. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Politika-pamyati-i-memorialnye-zakony> (Дата посещения: 10.02.2014.)
- Куранов А. Европейская конституция застряла в Судегах // Коммерсант. – М., 2009. – № 189 (4244), 12 октября. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/pda/kommersant.html?id=1254467> (Дата посещения: 10.02.2014.)
- Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. – М., 2009. – № 3–4 (46), май–август. – С. 6–23.
- Мінк Ж. Геополітика, примирення та ігри з минулим: на шляху до нової пояснювальної парадигми колективної пам'яті // Україна Модерна: Пам'ять як поле змагань. – 2009. – № 15(4). – С. 63–78.
- Науковець перед з'явою пам'яті. Форум / Е. Доманська, Б. Гаузер, Б. Косс-Євсевіцький, Ю. Зерній, Е. Бергерсон, Й. Петровський-Штерн, Г. Біндер, О. Острійчук, У. Унгюр, Т. Журженко, В. Бірлядяну, Л. Кожокарі, А. Блюм // Україна Модерна: Пам'ять як поле змагань. – 2009. – № 15(4). – С. 9–53.
- Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 328 с.

- Савицький Ю.* Поляки та німці матимуть спільний підручник історії // Радіо Свобода. – Київ, 2011. – 23 грудня. – Режим доступу: <http://www.radiosvoboda.org/content/article/24431872.html> (Дата посещения: 10.02.2014.)
- Сауд Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб.: Русский Мир, 2006. – 637 с.
- Стора Б.* Франция й Алжир у пастках пам'яті // Європа та її болісні минувшини / Авт.-упоряд.: Жорж Мінк, Лора Неймайєр у співпр. з Паскалем Боннарором; Пер. з фр. Є. Марічева. – Київ: Ніка-Центр, 2009. – С. 40–51.
- Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ.; Под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитоновой. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – 528 с.
- Шеррер Ю.* Германия и Франция: проработка прошлого // Pro et Contra. – М., 2009. – № 3–4 (46), май–август. – С. 89–108.
- Якубин А.* Европейские политики памяти: сравнительный анализ. Программа курса / МГУ им. М.В. Ломоносова. Факультет политологии. – М., 2012. – 2 с. – Режим доступа: http://polit.msu.ru/pub/anons/PP_2013.pdf (Дата посещения: 10.02.2014.)
- Ямпольский М.* История как ассамбляж. Публичная лекция в «Порядке слов» / Сеанс. – М., 2013. – 15 февраля. – Режим доступа: http://seance.ru/blog/shtudii/yampolsky_lecture_wordorder/ (Дата посещения: 10.02.2014.)
- Assemblage (art) // Wikipedia. – 2014. – Mode of access: [http://en.wikipedia.org/wiki/Assemblage_\(art\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Assemblage_(art)) (Дата посещения: 10.02.2014.)
- Assmann A.* Europe: A Community of memory? // Twentieth annual lecture of the GHI. in: GHI Bulletin. – 2007. – N 40 (Spring). – P. 11–25.
- Conceptual basis for a House of European history // European parliament. – Brussels, 2008. – October. – 27 p. – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/745/745721/745721_en.pdf (Дата посещения: 10.02.2014.)
- Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 august as European day of remembrance for victims of stalinism and nazism // European Parliament. – 2008. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2008-0439+0+DOC+XML+V0//EN>
- Doidge C.* Does Europe need a £44 m history museum? // BBC News. – L., 2013. – 12 February. – Mode of access: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-21383375> (Дата посещения: 10.02.2014.)
- Fundamental values of the European Union / EUR-lex. – Brussels, 1992. – Mode of access: http://eur-lex.europa.eu/en/editorial/abc_c02_r1.htm (Дата посещения: 10.02.2014.)
- Judt T.* The past is another country: myth and memory in postwar Europe // Daedalus. – 1992. – Vol. 121, N 4. – P. 83–118.
- Leggewie C.* Seven circles of european memory // Eurozine. – Wien, 2010. – 20 December. – Mode of access: <http://www.eurozine.com/articles/2010-12-20-leggewie-en.html> (Дата посещения: 10.02.2014.)
- Levy D., Sznajder N.* Memory Unbound: The Holocaust and the formation of cosmopolitan Memory // European journal of social theory. – 2002. – N 5 (1). – P. 87–106.

-
- The House of European History – international architectural competition // European Parliament. – Brussels, 2012. – 76 p. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/visiting/ressource/static/files/europehouse/house-of-european-history-architectural-competition.pdf> (Дата посещения: 10.02.2014.)
- The House of European History // European Parliament. – Brussels, 2014. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/visiting/en/visits/historyhouse.html> (Дата посещения: 10.02.2014.)
- Verovsek P.* The politics of memory: A conceptual approach to the study of memory in politics // The program on order, conflict, and violence / MacMillan Centre; Yale univ. – New Haven, 2008. – 36 p. – Mode of access: http://www.yale.edu/macmillan/ocvprogram/conf_papers/Verovsek.pdf (Дата посещения: 10.02.2014.)